

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Как нам обустроить РОССИЮ?

ПОСИЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», № 38

ПИСАТЬ об Александре Исаевиче Солженицыне мне всегда нелегко и непросто, потому что с ним, с его именем, с его творчеством связана моя самая лучшая часть жизни — я обрел Учителя, Единомышленника, Властителя моих дум. Все, что я вычитывал в его произведениях, мне было бесконечно близко и дорого.

Я знаю, что влияние Солженицына на моих современников было очень сильным и благотворным, но для меня это и глубочайшие личные переживания, делиться которыми как-то неловко. Не говоря уж о том, что в письме ко мне Александр Исаевич, разругав мою пьесу, которую я ему дал для прочтения, все же в конце письма написал свое: «Вот, что я предчувствую; та проза Ваша «ржевская», если будет мало выводов от автора и много событий и людей — может оказаться очень нужна и хороша. Доведете ее до уровня!» — в которое я поверил больше, чем в себя, потому что тогда я в себя вообще не верил, не находя в себе не то что таланта, но даже и каких-то литературных способностей, и, кроме мук немоты, ничего не испытывал: сказать было что, но как — я не знал, не знал, и смогу ли рассказать. Но, кроме всего этого самого главного, наверно, еще до письма и знакомства с Александром Исаевичем, его появление в литературе, а тем самым и в жизни каждого из нас возбудило в моей душе нечто такое, что трудно объяснить в короткой газетной статье. Он пробудил подлинные гражданские чувства, пробудил любовь к России, погасившие в нас после войны, когда мы вернулись, ощущая себя победителями лишь очень недолго, потому что поняли: вернулись мы в ту же страну с тем

а потому все от них ожидающего, вплоть до подстроеной автоаварии. Куда уж мне было отнимать хотя бы минуту из этой жизни-подвига. Но все же до высылки Александра Исаевича теплоило и успокаивало душу то, что писатель здесь, где-то рядом, в Москве ли, в Рязани, и уж ежели приключится необходимость в его совете,

лог со своими читателями. Безусловно, мы все знали и чувствовали, что мысли писателя в далеком Вермонте только о России, что он, разумеется, в курсе всех наших дел — и худых, и хороших, но это молчание как-то тревожило нас... И вот многомиллионным тиражом пришло к нам слово Солженицына «Как нам обустроить Россию?». Сразу же появились отклики, в том числе и Президента страны. Отклики разные — и легковесные, и серьезные, согласные со всем сказанным писателем и несогласные, полемизирующие, но — уважительные, показывающие, что слово Солженицына для всех нас важно и значительно. И весомо.

Б. Сарнов в «Огоньке» упрекал меня в том, что я сказал где-то: «Не пришло еще времени для критики такого писателя, как Солженицын». И потому, что еще не все прочитано советскими читателями из им написанного, и потому, что я не вижу пока в нашем обществе фигуры равнозначной, а потому и способной объять все сделанное писателем. Наверно, надо пережить столько же, сколько Солженицын, сделать столько же, стоять на такой же нравственной высоте, прежде чем разбирать творчество писателя. Может, я не прав, может, это перехлест, но я остался при своем мнении, а потому не считаю себя вправе обсуждать и эту работу, высказывать какие-то критические замечания по ее поводу.

Триста миллионов людей в нашей стране не знают, что делать и как «обустроить» Россию, и наивно считать, что один человек, пусть и великий писатель, сможет дать нам готовые и наперед правильные рецепты. Эссе Солженицына — это выношенные и выстраданные мысли, основанные на его знании русской истории, на его опыте жизни, а не политический и экономический трактат, и, надо сказать, Солженицын почти не дает каких-то конкретных советов, он лишь намечает нравственные вехи на пути к возрождению России, и вехи эти, по моему, совершенно бесспорны. Однако мне кажется, что Александр Исаевич, насильно оторванный от России на много лет, несколько идеализирует и ее, и сам народ. Положение настолько сложное, тяжелое, мы попали в такую тисну, из которой выбраться не только невероятно трудно, но, боюсь, и почти невозможно.

Думается мне, что чрезмерны упования Александра Исаевича на православие. Разумеется, прекрасно, что открываются церкви, что в них полно народу, что почти все население крестит детей, венчается и отпевает покойников, однако это еще не подлинная религиозная духовность, а, скорее, реставрация церковных традиций, же-

стоко отнятых у народа в семнадцатом и в последующие годы. Конечно, в России было во все времена, не исключая советское, и есть много по-настоящему и глубоко верующих людей, но вспомним, как быстро почти накануне своего тысячелетия православный народ отказался от религии, вспомним, как издевались над священнослужителями во время гражданской войны. В дополнение к С. Мельгунову («Красный террор» в России...) недавно был в какой-то из газет описан случай зверского убийства священника красноармейцами, которые сперва надели на него седло, ездили на нем, потом выкололи глаза, а затем зарубили саблями. А ведь все изучали Закон Божий и в семьях, и в церковноприходских школах, в гимназиях и в реальных училищах. Ну и вспомним, с какой жестокостью шла гражданская братоубийственная война между православными. Разумеется, отрядно, что организованы воскресные школы, что дети ходят в них и получают какие-то первоначальные нравственные принципы, но ведь из этой школы они возвращаются домой, где, увы, царит далеко не мир, а раздражение, усталость, неверие ни во что.

Неверие народа в своих правителей достигло уже критической черты, а они каждым своим запоздалым и неверным шагом это недоверие усиливают. Неразбериха и распад, разгул спекуляции и коррупции приводят людей к такому стремлению хоть какого-то порядка, что очень скоро станет безразлично, какой ценой этот порядок будет восстановлен. А это уже страшно. Мне думается, что верхи еще не понимают, до какого состояния дошел народ, раз до сих пор распределяют кабинеты, то бишь каюты на тонущем корабле, а он вот-вот уже пойдет ко дну. Повторю: трехсотмиллионную страну довели до того, что мы не можем найти людей, способных изменить что-либо и выкинуть балласт с тонущего корабля, чтоб он хоть немного еще остался на плаву, и тогда, может, удастся задраить пробонны и залепить трещины, которые это судно протерпело в течение семидесяти лет.

Что уж тут сможет сделать один А. И. Солженицын? Правда, он предупреждал нас давно, очень давно, что корабль еле-еле держится, но тогда к нему не прислушались. И было время что-то спасти, когда он написал письмо вождям Советского Союза. Еще совсем недавно я верил в какой-то интеллектуальный потенциал народа и даже партии, но, увы, стоило прослушать Российский съезд партии, как эта иллюзия рухнула — какой там интеллект, какой потенциал, какой авангард! Российский съезд вообще навел уныние, померкли все надежды — разве с «Кратким курсом» в головах способны эти люди на что-нибудь, кроме добывания себе кресел и попыток сохранить ту сладкую власть, которой они пользовались до перестройки, да и имеют пока и сейчас? К какой новой пропасти они могут подвести страну — неведомо, но то, что пропасть эта будет бездонной, сомнений нет у нашей интеллигенции. Но и она-то, понимая вроде все, вместо того чтоб объединиться, тоже разбилась на группы и группы и снова все с амбициями на истину в конечной инстанции, которую они только дескать, и знают. Хотя общая задача, наверно, всем ясна и на ней-то и надо сосредоточиться и объединиться всем, а нет — все по своим углам, да и сколько их! Разумеется, волнует это и Александра Исаевича, изучившего февраль 17-го и знающего, к чему это все привело. А вот об этом, самом главном, по моему, никто и не сказал в своих рассуждениях об эссе «Как нам обустроить Россию?». Без этого объединения всех прогрессивных сил, и объединения немедленного, ничего не выйдет из наших даже самых продуманных планов всех реформ — и экономических, и политических.

Демократическая партия, социал-демократическая, либерально-демократическая, христианско-демократическое движение и несть им числа... Для чего, кому это нужно? Когда всем миром требуется только одно — спасти страну, спасти народ. И снова проиграем Россию, как в семнадцатом, отдав власть опять тем же силам, приведшим нас к катастрофе? Очнемся ли, пойдем ли?.. Успеем ли?..

Лит. ГАЗЕТА — 1990 — 2406 — С. 4
Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

Опять как в 17-м?..

же страшным режимом, в страну, опутанную проволокой ГУЛАГа и с тем же кошмарным зданием на Лубянке...

И вот в этом беспросветном мраке встало имя Солженицына, великого писателя и великого Гражданина, которое начало возрождать в нас надежду к какой-то другой, более осмысленной жизни, которое раскрыло нам глаза на то, что мы, несомненно, видели, но мало что в этом понимали и разбирались. Началось духовное не возрождение еще, а просто выздоровление. Спавшие с глаз шоры заставили нас глубже и ярче взглянуть в действительность, и в нас самих.

До духовного возрождения России еще далеко и теперь. Однако выздоровление духа идет: за пять лет рухнула утопия «земного рая», рухнули и ее герои и вдохновители, попытавшиеся на крови и муках построить «светлое будущее». И первый кирпич в храм духовного выздоровления нации, я считаю, положил Александр Исаевич Солженицын.

Я виделся с Александром Исаевичем только один раз. Больше и не пытался, потому что из разговора с ним понял, какую неохватную работу он ведет. Кроме того, сказав мне об этом, он спокойно добавил, что, выезжая из Москвы в Рязань или наоборот, никогда не уверен, что доедет благополучно, доедет живым. Сказал просто, как само собой разумеющееся, а меня это так поразило и ужаснуло, что я долго не мог очнуться, увидев за этим экстремальную жизнь русского писателя, не угодившего властям,

то я смогу его увидеть и поговорить; но с его высылкой эта тонкая и невидимая связь была жестоко оборвана и наступило чувство отчаянного одиночества, и прошло около пяти лет, прежде чем я наконец-то приступил к «ржевской прозе», на которую вроде бы благословил меня Александр Исаевич и которую уже не смог показать ему. Лишь в 83-м году при свидании с В. П. Некрасовым в Париже я передал ему книгу «Сашка» для пересылки ее в Вермонт. На книге я написал, что посвящение и слова на заглавной странице книги: «С чувством глубокой благодарности к человеку, поверившему в «ржевскую прозу» еще до ее написания, работал автор над этой книгой», — это ему, Александру Исаевичу, и что ничего другого, «увы, я не смог сделать, не смог назвать его имя, которое все равно бы вычеркнула цензура, так как оно было под запретом. Потом меня пытали друзья и читатели, кому же посвящены эти слова, но открылся я лишь немногим».

Пришли другие времена, произведения А. И. Солженицына наконец-то дошли до русского читателя, опубликовано и главное — «Архипелаг ГУЛАГ». Говорю «главное», потому что для всех нас эта публикация означала — обратного пути после нее быть уже не может. Раз власти решили печатать эту книгу — значит, намерения их к изменению положения в стране серьезны. Однако сам писатель молчал. Не разрешал публиковать свою старую публицистику и почему-то не шел на современный диа-